

ПАМЯТИ ДМИТРИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ТОМАНОВСКОГО (1962–2022)

© 2023 г. Р. М. Гогорев¹, М. В. Макаров², Т. А. Михайлова^{1,*},
О. Н. Мохова³, А. А. Уланова⁴, О. А. Уланова⁵, Н. Н. Шунатова⁶

¹Ботанический институт им. В.Л. Комарова РАН
ул. Профессора Попова, 2, Санкт-Петербург, 197022, Россия

²Мурманский морской биологический институт РАН
ул. Владимирская, 17, Мурманск, 183038, Россия

³Северный филиал ФГБНУ «ВНИРО»
ул. Урицкого, 17, Архангельск, 163002, Россия

⁴University of Uppsala, Villavegen, 16, Uppsala, 75236, Sweden

⁵Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет им. С.М. Кирова
Институтский пер., 5, к. 1, Санкт-Петербург, 194021, Россия

⁶Санкт-петербургский государственный университет
Университетская наб., 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия

*e-mail: tmikhaylova@binran.ru

Поступила в редакцию 29.11.2022 г.

После доработки 03.12.2022 г.

Принята к публикации 16.12.2022 г.

DOI: 10.31857/S0006813623010040, EDN: LNPIKD

Четвертого августа 2022 г. трагически погиб во время отбора проб водорослей в Баренцевом море замечательный человек, высококвалифицированный водолаз-аквалангист и коллектор биологического материала Дмитрий Васильевич Томановский (рис. 1–2).

В начале 1990-х годов он начал работать в Белом море с альгологами из Северного отделения Полярного института рыбного хозяйства и океанографии им. Н.М. Книповича (Сев ПИНРО, г. Архангельск). Его пригласили для установки крупной плантации для выращивания ламинарий в районе базы института на Соловецких островах, где основным объектом был промысловый беломорский вид *Saccharina latissima* (L.) С.Е. Lane, С. Mayes, Druehl et G.W. Saunders. Он собрал коллектив водолазов, выполнявших сложнейшие работы по размещению бетонных якорей и несущих канатных конструкций, которые были снабжены зимними и летними «наплавами», смонтированными из пенопластовых кухтылей (поплавков). Летние «наплава» поддерживали несущие субстраты на глубине 0.5–1 м, зимние — не позволяли субстратам ложиться на дно. Д.В. Томановский возглавлял работы по подъему плантации после зимы и заглублению на зиму, а также осуществлению сезонного технического обслуживания плантации. При этом им были усовершенствованы и внедрены технологии, значительно облегчающие труд водолазов. Все эксперимен-

тальные исследования опытно-промышленной марикультуры водорослей были возможны только при таком обеспечении.

Рис. 1. Дмитрий Васильевич Томановский, август 2013 г.

Fig. 1. Dmitry Vasilyevich Tomanovsky, August 2013.

Рис. 2. Баренцево море, 2010-е годы.

Fig. 2. Barents Sea, 2010s.

Зарекомендовав себя как квалифицированный, ответственный, технически и биологически грамотный полевой работник, Дмитрий Васильевич в дальнейшем принимал участие в экспедициях по оценке запасов промысловых водорослей Белого моря на научно-исследовательских и коммерческих судах “Поиск”, “Картеш”, “Протей”, “Святой Савватий”, “Алкей”. Кроме того, он руководил техническими работами по научной программе “Восстановление промысловых зарослей ламинарий после разрушительного воздействия механизированного промысла в Белом море”. В районе Соловецких островов было создано 10 экспериментальных полигонов, на которые был внесен дополнительный каменистый субстрат для дальнейшего изучения восстановительной сукцессии ламинариевых сообществ. Позднее, в 2018 г., сборы Д.В. Томановского в губе Чупа Кандалакшского залива позволили охарактеризовать особенности вертикального распределения беломорских филлофоровых водорослей.

С начала 2000-х годов Д.В. Томановский принимал активное участие в исследованиях альгофлоры Мурманского побережья Баренцева моря: вертикальное и географическое распределение бурых и красных макроводорослей, структура их сообществ, особенности распределения водорослей на различных типах субстрата и в различных гидродинамических условиях. Многие глубоководные гидробиологические исследования были бы невыполнимы без его участия, поскольку он не только исполнял работу коллектора, но и,

имея огромный опыт водолазной работы с учеными, вносил свои предложения по организации и проведению исследований.

Дмитрий Васильевич принимал участие в проведении исследований по Российским и зарубежным грантам, которые были профинансированы различными фондами: РФФИ, РНФ, Минобрнауки, Коларктик, Норвежским советом по научно-исследовательской работе. Собранные Д.В. Томановским более чем за 30 лет пробы макроводорослей, зообентоса, грунта для гранулометрии и воды для определения химического состава и различных типов загрязнения исчисляются тысячами. Многочисленные образцы морских водорослей из этих сборов хранятся в альгологической коллекции Гербария Ботанического института им. В.Л. Комарова РАН. Благодаря собранным им материалам было опубликовано более 70 научных работ.

Для авторов этой статьи Д.В. Томановский — не просто незаменимый помощник в полевых экспедициях, но и друг, чьей дружбой мы дорожим и гордимся. Все мы, любя, называли его Мамонтом. И дело не просто в его огромном росте и недюжинной силе, чем он также вполне соответствовал этому образу, главное — он обладал ценнейшими и редкими качествами: умением собрать вокруг себя множество людей, уникальным чувством юмора, отзывчивостью, верностью дружбе, готовностью всегда прийти на помощь. Светлая память этому замечательному человеку.

Из воспоминаний.

Н.В. Томановская (жена Д.В. Томановского, учитель биологии, школа им. Ж.И. Кусто, г. Санкт-Петербург): “Я познакомилась с Димой Томановским, Мамонтом, в Дальних Зеленцах, в далеком 1993 году, когда была там на практике, как студентка Казанского университета. Группа питерских водолазов во главе с Мамонтом взяла надомной шефство. Они приглашали меня к себе и угощали сгущенкой, а я им иногда пела песни под гитару. Уезжая, мы с Мамонтом обменялись “адресами, паролями, явками”, и он сказал: “Надо будет остановиться в Питере – звони, приезжай”.

Через какое-то время я воспользовалась предложением. Мне надо было приехать в Питер на трое суток по студенческим делам, и я остановилась у него дома, на Коломенской, 35. И вот там я тогда еще только почувствовала, откуда родом его самые главные, характерные черты – Рыцарственность и Преданность семье.

Удивительно теплые отношения царили в этой семье, прежде всего между родителями. Прямо физически ощущалось, как эти спокойные вдумчивые интеллигентные люди просто и тихо любят и уважают друг друга. Это была Семья! Димоша, так его звал папа, тоже был носителем семейных идеалов, несмотря на то, что каждый сезон проводил в экспедициях. В последний вечер моего пребывания в Питере Мамонт пригласил меня на концерт Александра Городницкого. Храню, как самую большую ценность, книгу стихов и песен Александра Моисеевича, которую Мамонт купил на концерте, подарил мне на прощанье и подписал: “Наташе от Мамонта. Пой всем на радость!”. После концерта он первым делом нашел таксофон и позвонил маме. И пока он звонил, я смотрела на него, такого высоченного, здорового, более, чем тридцатилетнего парня, и думала о том, что для него это естественная потребность – успокоить маму и папу, сказать, что сейчас с ним все в порядке, он пойдет еще туда-то и будет дома тогда-то... Я уже познакомилась с этой его потребностью днем раньше, когда он водил меня по городу и периодически заходил в будки таксофона, чтобы позвонить маме. В ответ на мой вопрос: “Зачем?”, Мамонт ответил: “А почему бы не позвонить, мне же не трудно. Маме спокойнее будет. А то ведь она знает, какая? Чуть задержишься, начинает уже ноздрями водить...”. “Главное, – смеялся он, – пока я в городе, она начинает переживать, когда я задержусь на полчаса. А когда я на все лето в экспедицию уезжаю и ныряю там каждый день, это как бы и ничего...”

И в этом весь Мамонт: с шутками и прибаутками, совершенно естественно и органично в нем жила эта потребность: заботиться о том, чтобы близким было хорошо и спокойно. Много лет потом я вспоминала эти таксофоны, постепенно по-

нимая, насколько редко встречается в людях это качество – готовность взять на себя заботу о душевном спокойствии близких людей, не жалея для этого ни времени, ни сил.

Через много лет, когда мы встретились снова и поняли, что хотим заботиться друг о друге, я это почувствовала на себе и детях. Мамонт окружил нас полностью своей заботой, и так радовался тому, что мы это ценим! Он взял на себя ответственность за детей, а Юлю удочерил. Немного есть таких отцов, которые так любят, и, главное, уважают своего ребенка. Мы были за ним, как за каменной стеной. Я иногда даже боялась делиться с Мамонтом своими проблемами на работе, потому что все наши проблемы он принимал близко к сердцу. Но в этом он весь, эмоции бурлили в нем и выплескивались через край.

Многие знают, что Дима очень любил и знал тему Средневековья. Мечи и доспехи, вся эта романтика рыцарства, были очень близки его духу. Как органично смотрелся Мамонт в рыцарских доспехах! Он и был настоящим Рыцарем. Тем, кто призван судьбой заботиться о родных и близких, и всех тех, кто оказался в его “зоне ответственности”. Рыцарственно пренебрегая своим комфортом, а часто и здоровьем, Мамонт всю свою жизнь посвятил Служению: науке, не будучи даже ученым, подводному плаванию, в котором достиг мастерства уровня профессионала, ну и, конечно, своей семье.

Довольно часто Мамонт говорил: “Не было бы вас с Юлей, потребности о вас заботиться, я бы, наверное, и не жил. Или ходил бы, как автомат, не имея цели чем-то заниматься”. В последнее время он сильно тяготился своей работой, потому что она не давала ему возможности все время проводить с семьей. Не было ни одного дня в его отлучке, за всю нашу совместную жизнь, чтобы он не позвонил мне с утра, и не пожелал доброго утра, а вечером – доброй ночи. Мамонт вне семьи – всегда с телефоном; звонил несколько раз на дню, и мы разговаривали подолгу, ему это было необходимо. Общение с семьей, любовь к семье – это для него были ценности высшего порядка. Он, таким образом, как бы подпирал стены нашего Дома, согревал его в свое отсутствие.

Мамонт! Как он любил жизнь! Любил море и путешествия. Любил родной Питер, как живой организм, как близкого друга. Радовался искренне, огорчался бурно. В общем, мало кто был настолько живой. Но, повторюсь, смысл своей жизни он видел в Служении высоким идеалам, которые считал достойными своего Служения.

Рыцарь нашего времени, рыцарь без страха и упрека, рыцарь, каких уже давно нет – Мамонт.”

М.В. Макаров: “Друзья уходят как-то невзначай...” – Это строки из песни барда Вадима Егорова. И Дима ушел невзначай. Потому что никто

не мог даже подумать, что этот большой и сильный человек, который в свои 60 лет ходил под воду, плавал и работал там так, как молодым и не снилось, наматывал сотни километров на велосипеде, легко одетый даже в мороз, мог вот так уйти от нас.

Дима приехал в Зеленцы в 1997 г. в составе большой группы энтузиастов-водолазов. И после этого Баренцево море его полностью захватило. В Зеленцы он приезжал каждый год в течение более чем 20-ти лет, и знал в округе под водой уже, наверное, каждый камушек. Но местные подводные ландшафты ему не надоели, а стали просто родными. Он не раз говорил: “В городе я работаю, а здесь, в Зеленцах, живу настоящей жизнью!”

Он любил море, любил Зеленцы. И завещал, чтобы после его смерти прах был развеян в море возле Зеленцов. И море отвечало ему взаимностью: оно приняло его в его любимом месте... И в день, когда развеивали его прах там, где он завещал, за несколько часов до этого момента и почти сразу после, был сильный шторм. Но в момент прощания с Димой Зеленцы оказались в “глазе бури” – ветер стих до штиля, выглянуло солнце. И его прах погрузился в так любимую им голубую воду Баренцева моря, по которой плыли освещенные солнцем венки.”

Н.Н. Шунатова: “С Димой я познакомилась в конце 90-х. Удивительной доброты человек, бескорыстный, всегда готовый помочь. Сразу вспоминается множество самых разных ситуаций, в которых звучала Димина фраза: “Давай вот это сделаю я”, а на мои возражения, что, мол, мне будет неловко и совестно, следовал ответ: “Перестань, у тебя, в конце концов, рядом Мамонт! Не кто-нибудь, а Мамонт!”. Так он и был рядом все эти годы – невероятно надежный друг. Под воду вместе с Мамонтом мы, увы, ходили нечасто, но каждый раз привычный, но физически тяжелый процесс сбора проб Дима превращал для меня в приятную прогулку. Первый раз мы с ним под воду ходили вместе лет 20 назад, на Соловках. Нужно было брать трансекты проб грунта небольшими рамками. Мы в мокряках, вода – ледяная, у меня тогда только начинались проблемы с ухом. Работаем с лодки, собираемся нырять, и звучит вопрос Димы: “Под каким углом якорь выставить, чтобы тебе спускаться удобно было?”. И так во всем: и в каких-то глобальных вещах, и в мелочах рядом с Мамонтом было очень надежно и спокойно.

Дима обладал еще одной редкой особенностью – он умел слушать и слышать. С ним можно было обсуждать любые темы, острые, больные, даже те, по которым наши точки зрения были противоположны. Он выяснял детали, разбирался, вникал, причем делал все это очень спокойно. Даже если после долгого обсуждения каждый из нас оста-

вался при своем мнении, в заключение всегда звучала фраза Мамонта: “Разве же может это нас поссорить? Конечно, нет! Никогда, и даже не надейся!” А шутки-прибаутки Мамонта, а его стихотворные экспромты, а наши беседы на немецком, а рассказы про котов...

Дима, невероятно тяжело без тебя. Ну а в том, что ты будешь встречать нас с забытыми баллонами, как не раз анонсировал, я не сомневаюсь.”

И.В. Рыжик (альголог, Мурманский морской биологический институт, г. Мурманск): “Диму всегда можно было попросить достать со дна морского какую-нибудь водоросль, в которых он, несмотря на совершенно не биологическое образование, разбирался хорошо: “Дима, принеси мне кустики (обычно в этом месте был перечень разных видов красных водорослей) и еще чего-нибудь”. И спустя час или два в лаборатории лежал заветный букет “аленьких цветочков”, как он их называл.

А его стихотворные экспромты... Конечно, от многих веяло немножко “черным юмором”. Одно хочется вспомнить особо, как наставление маленьким девочкам и мальчикам: “В это поверишь едва, но мама бывает права!” Он любил пошутить, подтрунивая обычно легко и не обидно. Вспоминается, как он, собираясь под воду с не совсем опытными водолазами (это была я и его знакомый), сказал: “Сегодня буду плавать с чайным сервисом”! Это чтобы нас не обидеть и не обозвать “чайниками”.

Дима приезжал на биостанцию ММБИ в пос. Дальние Зеленцы каждый год. Он жил в гостевой комнате биостанции, и с его легкой руки зародилась традиция утреннего кофе, когда собирались все, кто работал на биостанции, поговорить, обсудить планы на день и просто поболтать.”

Р.М. Гогорев: “С Димой я познакомился летом 1992 года, именно на бескрайних плантациях морской капусты на Соловках, на которых подвергались безжалостной эксплуатации только “белые” люди (шутка, Киргуду ... – просто трудились). Он мне запомнился не просто своим огромным размером, но в первую очередь своей готовностью всегда помочь, бескорыстно, т.е. просто даром, как говорила мудрая сова в знаменитом детском мультике. Тогда я как раз умудрился утопить ценный прибор на плантации, и Дима спрашивает: “Здесь?”. Я отвечаю, будучи простым чайником-аквалангистом: “Но здесь же глубоко, метров 20!”. А он, уже надев маску и заглотив загубник трубки, просто машет рукой, ныряет и меньше чем через минуту выныривает, протягивает прибор и отвечает: “Этот что ли?!”. Моей радости и изумлению не было предела!

И второе, самое глубокое воспоминание, когда он рассказывал про свое детство. Оказывается, в детстве Дима очень часто болел. “И вот, – гово-

рит Дима, — мне это надоело: стал обливаться каждый день холодной водой, и в мороз и в зной, а еще отключил в комнате батарею отопления и навсегда открыл форточку, т.е. температура в комнате была как на улице. И вот так, — продолжает он, — я победил свою болезненность, а заодно вырос большим и сильным!”

Вот такие мои простые воспоминания об этом удивительном человеке.

И.Н. Бахмет (физиолог, Карельский научный центр РАН, г. Петрозаводск): “Я знаком с Димой с 1985 года, когда народ из общаги ЛГУ пошел заниматься дайвингом. К сожалению, меня по зрению не взяли, и наши пути разошлись аж до 2014 года, когда мы пересеклись на Белом море. Кстати, именно он меня вспомнил, вспомнил те веселые времена.... А потом он меня страховал, когда я ходил под лед, и хочу сказать, что это было не первое и не последнее (тьфу-тьфу-тьфу) погружение под лед, но такого спокойствия у меня не было никогда. Вот внушал он какую-то такую надежность, какую может дать не каждый человек. Я таких людей в своей жизни могу пересчитать по пальцам одной руки.”

Г.Р. Белов (Руководитель подразделения разработки Проектов организации строительства Проектной компании ООО “ГТ ПРОЕКТ”): “Жизнь (судьба, божье провидение) свела меня с Димой, как, наверное, многих его друзей и знакомых, на биологической станции СевПИПРО на Соловецких островах. Три сезона 1994–1996 гг. я отработал там под его крылом. Позже были и водолазный клуб, и зимние “тренировки” в бассейне вместе с соклубниками, и ежегодные новогодние выезды с погружением под лед озера в Старой Малуксе.

И знаете, лично для меня Дима с самого первого сезона работы на Соловках, стал фигурой, определяющей надежность и, скажем так, правильность проходящего “мероприятия”. Руководить или организовывать мог кто угодно. Но, если есть Мамонт, то, значит, все будет хорошо при любых обстоятельствах. Какое-то оставалось ощущение, что все каким-то непостижимым образом держится на нем. Ушел Димка на Жужмуй (или на Жижгин, не помню) с альгологами на три дня, и уже что-то не то делается: дрова не рубятся, чай не заваривается. Не пришел Мамонт в клуб и, вот как-то, делать там нечего, и, вообще, зачем оно все? Не приехал Томановский на новогодний выезд — и все как-то не то, и костер не загорелся... Ну, в общем, как-то так.

Со временем наши с Димой дороги разошлись. Встречались редко. Но с самой первой экспедиции на Соловки не оставляло меня чувство большого старшего брата и каждая редкая встреча приносила тепло.”

А.А. Уланова: “Мне не найти слов, чтобы описать боль от ухода нашего дорогого Дмитрия Томановского. До сих пор не могу принять эту трагедию. Стадия отрицания всего случившегося так и не оставляет меня уже несколько месяцев, а спасительное для сознания принятие так и не наступает. Представьте на мгновение, что Зимний дворец вдруг исчез бы с Дворцовой площади, или Стрелка Васильевского острова вдруг лишилась бы своих Ростральных колонн. Можно такое представить? Вот так и до меня никак не доходит, что Димы больше нет, город Питер есть, а Димы в нем больше нет. И никогда уже больше не будет.

Жизнь свела меня с Димой в начале лета 1995 г. Я, студентка 3 курса Санкт-Петербургского университета, приехала в г. Архангельск, откуда должна была дальше проследовать на Соловецкие острова для прохождения производственной практики на базе СевПИПРО. И с поезда в Архангельске меня встретил здоровенный такой мужчина, который легко, словно какую-то авоську, подхватил мой рюкзак и куда-то повел. “Это Мамонт, ты его не бойся, он добрый”, — сказал мне Р. Гогорев, который сопровождал меня в поезде. Та практика удалась во всех отношениях! Под чутким руководством местных авторитетов я познала могучий по своему видовому разнообразию состав макрофитов Белого моря, собрала пробы из литоральных водоемов, анализ которых в последствии лег в основу кандидатской диссертации и научных статей. Впервые в жизни тем летом я погрузилась в пучины Белого моря. Но самое важное приобретение той поездки состояло в том, что я узнала много замечательных людей, с большинством из которых мы дружим и сегодня. Дима был одним из этих людей. На дворе вовсю пылала перестройка, изыскать средства и возможности для студенческой практики было не так-то просто в то время. Вот так, таким чудесным образом, произошло со мной судьбоносные события и случились встречи, повлиявшие на всю мою дальнейшую жизнь. А ведь этого чуда могло бы и не случиться!

Дима был замечательным сыном, мужем, другом, коллегой. Добрый, позитивный, обязательный, ответственный. Каждый вечер кто-то из нас (обычно Дима) звонил своим немолодым уже родителям, а минимум раз в неделю мы их обязательно навещали. У нас это называлось “поехали к маменьке баловаться плюшками”. “Маменька”, Роза Федоровна Томановская, к каждому нашему приезду пекла свежие булочки или пирожки, а “папенька, или Сил Силыч”, Томановский Василий Васильевич, обязательно гордо выставлял на стол “божественный напиток” — настойку собственного производства, всегда на черноплодке или корне калгана.

Незабываемая Малукса! Там проходят тренировочные погружения и ежегодный зимний, предновогодний спуск под лед в озеро. Это называлось у нас “промочить жабры”. Жабры, как и полагается, смачивать надо часто, а то “пересыхали”. Со старой родительской квартиры на Разъезжей, добираться до Малуксы было удобно, потому что Московский вокзал, с которого ходили электрички в нужном направлении, был совсем рядом. С новой квартиры, на Черной речке, добираться стало сложнее. Но разве это могло остановить Диму? Чуть не каждые выходные, в любую погоду, Дима ездил с друзьями на Малуксу. И еще традиция “клубиться” по вторникам и четвергам в Озерках, ведь только там, в водолажном клубе, тогда находился компрессор, столь важный для “смачивания жабр”.

Дома всегда все было завалено гидрокостюмами, ластами, грузиками, аквалангами, “компьютерами”, заготовками к будущему ребризеру, и прочими водолазными аксессуарами. Остальные, свободные от водолазного добра, пространства квартиры были завалены моими пробами и учебниками. И посреди всего этого как-то умудрялся с достоинством перемещаться наш кот Кузьма Дмитриевич, Димин любимец. Какое было прекрасное время!

Я вспоминаю многочасовые прогулки по Санкт-Петербургу. Дима боготворил свой город, он жить без него не мог. Новая Голландия, ЦПКиО, Васильевский, Петроградка, Фонтанка, развод мостов... Дима был настоящим патриотом: его сердце, мужской дух всецело принадлежали великой стране России.

Дорогой Дима, я благодарю тебя за все, что ты сделал для меня. И как специалист и просто как личность, которую я представляю собой сегодня, все это заложено и выпестовано тобой. Сколько ты в меня вложил! Мне только остается “скользить” вдоль той направляющей, что ты заложил куда-то глубоко в сознание, и постараться не сбиваться с курса. Ты всегда был и оставался бесконечно близким дорогим человеком, умеющим и понять, и простить. Очень тебя не хватает, как жаль, что ты ушел так рано. Покойся с миром, дорогой Дима.”

О.А. Уланова: “В институтские годы я очень часто приходила к Диме домой, на улицу Шиманского. Компьютер в то время был только у Димы, а для учебы он был мне крайне необходим, особенно перед экзаменами и защитой. Никогда не забуду специально для меня судорожно инсталлированный Димой “Промт”, столь необходимый мне для сдачи экзамена по французскому языку. А задачи по сопромату? Кто еще, кроме Димы, мог сесть и спокойно прорешать такое количество задач в “до предела запущенные” сроки?

Никогда не забуду ту маленькую уютную 2-комнатную квартиру с рисунком на стене, который Дима сохранил от прежних хозяев. Диме всегда было жарко, и поэтому в любое время года была открыта дверь на балкон, а зимой, несмотря на конкретный холод в квартире, он продолжал ходить в футболке, в отличие от нас, закутанных в свитера и шерстяные носки. Ну и конечно коты... Коты, которые всегда были в его жизни, и которых он безгранично любил, холил и лелеял. Котам в доме Димы было дозволено абсолютно все! “А если кошка голубоглаза, то ей не будет ни в чем отказа”, — любил напевать Дима.

Дима всегда с огромным уважением и вниманием относился к моей бабушке, Майе Георгиевне Ургалкиной. Ежедневные телефонные звонки по вечерам, разговоры по душам, теплые поздравления с праздниками, и многое другое — все это в избытке давал бабушке Дима. Она считала Диму своим сыном. Это была Димина инициатива — уже много позже бабушкиной кончины разместить информацию про бабушку в Бессмертный полк.

Мне бесконечно повезло, что я была знакома с таким человеком, как Дима Томановский. Мамонт... Смерть всегда рано забирает от нас мудрых, талантливых, прекрасных людей. Но пока мы будем его помнить — он будет жить в наших сердцах.

Дима, вечная память тебе.”

Сергей Селеджи (школьный друг) **и его жена Елена.** Из воспоминаний Сергея из школьной жизни: “Нельзя не упомянуть случай, характеризующий Диму как любителя водных процедур в зимний период. Я его запомнил на всю жизнь. Вот откуда, оказывается, пошла любовь к погружениям в воду. Однажды мы с Мишкой и Димкой пошли поболтаться, как обычно, был конец зимы. На набережной у Медного Всадника играли в снежки. И кто-то у кого-то сбил с головы шапку снежком, и она улетела с набережной в реку на лед. Решили ее обязательно достать, но было опасно. Лед уже подтаивал, и мы решили достать ее леской с крючком. Димку оставили на “посту” караулить шапку, чтоб не потерять ничего и никого, а сами пошли в рыболовный магазин. Уже на середине пути в магазин мы поняли, что не того оставили в карауле. Мы догадывались наперед, что может что-то произойти, там, где Дима. Прибавили скорости, чтоб побыстрее добежать до магазина, а когда вернулись, то нас встречал уже мокрый по пояс Дима. Ему надоело ждать нас, и он решил добраться до шапки по льду, сделать доброе дело. Решив ногой попрыгать толщину льда, он, смело шагнул и провалился! А шапку так и не достал. Хорошо, что дальше не полез в ледяную воду. Вот такой был отважный человек! Еще тогда его уже тянуло к подвигам и водной стихии!

На 50-летие Дима подарил мне радиоуправляемый танк, который даже стреляет ядрами. И мы, как озорные мальчишки, весь вечер пуляли по углам, по гостям, попадали в салат. Наше ребячество и дружеские проказы говорили о том, что никакой возраст не помеха. Было просто здорово! На любом празднике, где есть Дима – там позитив! Вот такой славный добрый Толстый был у нас, вечная светлая память ему!”

Из воспоминаний Елены. “Нашего Димку я увидела впервые на втором свидании с моим будущим мужем Сергеем. Я сразу увидела в нем доброго и простого человека, и очень умного! “Я – Димка, можно Толстый! Не обижаюсь”. Легкий наклон головы и добрая широкая улыбка на лице. И остроумные, совсем не обидные шутки-фразочки. И, конечно же, будучи соучастником зарождения наших с Сергеем отношений, он и стал самым красивым свидетелем, в бежевом костюме с огромным букетом красных пионов, на нашей свадьбе. Таким он был и останется навсегда в нашей памяти. Первый раз побывав в гостях у Димы на Шиманского, я, честно признаюсь, была в легком шоке от обстановочки. Девушка, привыкшая к домашнему уюту, вдруг видит что-то ей совсем неизвестное: ребризер, шкафы, забытые не одеждой, а водолазными принадлежностями, гидрокостюмами, велосипед. Вещи в квартире рассказали мне обо всем, чем живет человек. Огромные раковины с морских глубин и звезды украшали комнату. Для меня открылся человек с новой стороны. Я поняла сразу же – вот его предназначение, вот его настоящая жизнь! Человек-амфибия!

Для Сергея Дима был лучшим другом со школьной скамьи, об их школьных, изощренных проделках в лучшем понимании этого слова, можно было слушать часами. Его добрые искрометные шутки и стишки стали практически крылатыми фразами в нашей жизни, и, если их кто-то слышит из наших уст – “мило” улыбаются, а мы с гордостью отвечаем – это афоризм нашего друга. Всегда восхищалась его интеллектом и эрудицией, и это позволяло мне называть его “Большой ходячей энциклопедией”, потому что он всегда все знал, о чем бы его ни спросили. По традиции, мы собирались нашей дружной школьной компанией много лет, и, однажды, обсуждая, кто с чем придет на очередную встречу, Дима сказал, что принесет тазик оливье. Мы подумали, что он так пошутил про тазик (это было в его духе). Но когда на пороге мы увидели Диму с огромным тазиком оливье, мы поняли, что ведь он не шутил. С той встречи и пошло выражение в нашем словесном обиходе – тазик оливье для Димы, когда ждали в

очередной раз в гости. Вот такой был большой человек во всем в этой жизни!

Для нас Дима всегда был таким крепким и выносливым человеком не только потому, что он “большой”. Он всегда удивлял нас своей выносливостью к погодным условиям. Дождь – не дождь, ветер – не ветер, осень на дворе, ждем Диму, сидим в тепле, и вдруг приходит Дима в летних спортивных шортах, футболке – словно теплый летний день! Ему не было холодно в этой жизни, тепло и на душе тоже! И на предложение “Горячего чая тебе?” – “Не, мне бы водички холодной все разбавить!” Вот такой морозоустойчивый богатырь был нашим другом! А про красную икру он говорил: “Мелковата клюковка!” Как-то по-доброму звучит, и всем так приятно было на душе от его шуток! Человек дарил нам всем позитив и хорошее смешливое настроение! Никогда не забудем нашу последнюю встречу с ним и Наташей! Он был таким внимательным и заботливым мужем, может, даже несколько сдержанным, с грустинкой, как мне показалось, от прожитых лет. Я прочла свои стихи, поздравляя мужа, а Дима тут же сочинил экспромт, посвященный своей жене, так это было мило и просто, от всего сердца.

А самым главным качеством Димы было то, что он был верным и внимательным другом. Он никогда не забывал позвонить и поздравить с днем рождения, 8 марта, даже если был где-то далеко. Это очень ценно и незабываемо! Спасибо ему за эти теплые минуты общения!”

Михаил Мартовский (школьный друг): “Как быстро летит время. Казалось бы, это было вчера, а прошло 44 года. Отец военный, и его переводят служить в Ленинград. Мы с братом бросаем все свои привязанности, налаженные годами отношения, уважение одноклассников, да мало ли чего еще, и едем в другой город, в другую школу, в неизвестность. И вот первый день в Ленинградской 294-й школе. Никого не знаем. Никто не знает нас. И тут подходит большой добродушный парень и так запросто протягивает руку: “Будем дружить. Меня зовут Дима, для друзей Том”. Не секрет, что во многих классах есть своя беда, которая держит в страхе весь класс и добавляет седых волос преподавателям. Была такая беда и в нашем классе, с простой русской фамилией Егоров: хулиган, двоечник и по комплекции раза в два шире и выше каждого из нас. Егоров сразу же решил поставить всех на место и показать кто в классе хозяин, но... Он ошибся классом. В классе, где учился Том, хозяев быть не могло, только одноклассники. Первый же демарш Егорова завершился нравоучительным ударом ему в живот, от

которого несостоявшегося лидера свернуло пополам и... Егоров оказался хоть и двоечником, но веселым и компанейским парнем, не обязательно же быть хозяином. Дима много занимался спортом и уже в 9-м классе стал кандидатом в мастера спорта по фехтованию. Такой огромный добродушный медведь. Когда он подтягивал свои почти что 100 килограммов больше 20 раз на прогибающейся под его весом перекладине, у нас реально отвисали челюсти. Однажды на скамейке в коридоре мы вчетвером пытались спихнуть Диму, а он всего лишь упирался ногой в косяк двери. Не выдержал косяк, развалившийся с громким треском и репрессивными последствиями. Почти все свободное время мы практически проводили вместе, в гостях друг у друга, в походах в кино, поездках в ЦПКиО, в катании на лыжах... Так зарождалась школьная дружба, которую мы дальше пронесли через долгие десятилетия. Но вот уже вчерашние школьники стали студентами: Дима и Сергей — ВоенМеха, а мы с братом сделали выбор в пользу ПолиТеха. Оба вуза серьезные, сложные, сориентированные на выпускников физмат-школ, а наша школа была обычной. Но, несмотря на сложности, мы все получили высшее образование и вкладыши к дипломам, которые не стыдно было без ложной скромности показывать родственникам, друзьям, знакомым и работодателям. Но только у Димы был диплом высшей пробы и завидного красного цвета. В 1979-м году в стране неожиданно появилось модное поветрие, которое называлось редким и далеко не всем знакомым словом “карате”. Не прошло оно и мимо нас. Меня, Сергея и моего брата хватило где-то на год. И только Дима с его упорством и силой воли не бросил свое новое увлечение, и, словно граф

Монте-Кристо, не только достиг совершенства в этом боевом искусстве, но и превзошел своих учителей. Многолетние тяжелые тренировки, помноженные на упрямство и дух воина, дали свои результаты. Дима стал чемпионом “Динамо” по карате в абсолютном весе. В качестве ремарки скажу, что в “Динамо” тренировался весь спецназ и все самые крутые волкодавы госбезопасности и милиции. Дима оказался сильнее всех. Это сыграло с ним плохую шутку, но дало нам возможность увидеть его огромную добрую душу. К Диме подошел тренер и в ультимативной форме потребовал, что если Дима хочет и дальше тренироваться, то он должен надеть милицейские погоны, иначе путь в спортзал ему будет закрыт. И человек, практически достигший совершенства в боевом искусстве, ответил “нет”. Дима сказал, что на татами он бьется с достойными и равными по силе и опыту противниками, а бить людей на улице — это тренер обратился не по адресу. Один штрих в большой жизни, но как много он говорит о Человеке. А дальше было все: и лихие 90-е, и увлечение водолазным искусством, переросшее в страсть, и любовь... Я же хотел немножко рассказать о школьных годах и юности, о которых больше меня может рассказать только Сергей. Спокойно, наш большой добродушный друг. Нам всем тебя не хватает.”

Множество людей скорбит о тяжелой утрате. К теплым воспоминаниям о Д.В. Томановском присоединяются друзья и коллеги: Г.М. Воскобойников, М.И. Иванов, Т.С. Иванова, С.Д. Иванов, А. Корнильева, С.В. Малавенда, С.С. Малавенда, Ю.А. Морозов, Т.М. Морозова, Ю. Самысько, М.Л. Федюк, А.В. Чабан, В.А. Чугайнова.

IN MEMORIAM: DMITRY VASILYEVICH TOMANOVSKY (1962–2022)

R. M. Gogorev^a, M. S. Makarov^b, T. A. Mikhaylova^{a, #}, O. N. Mokhova^c,
A. A. Ulanova^d, O. A. Ulanova^e, and N. N. Shunatova^f

^a V. L. Komarov Botanical Institute RAS
Professor Popov Str., 2, St. Petersburg, 197376, Russia

^b Murmansk Marine Biological Institute RAS
Vladimirskaya Str., 17, Murmansk, 183038, Russia

^c North Branch of FSBI “VNIRO”
Uritsky Str., 17, Arkhangelsk, 163002, Russia

^d University of Uppsala
Villavegen, 16, Uppsala, 75236, Sweden

^e St. Petersburg State Forest Technical University named after S. M. Kirov
Institutsky Lane, 5, building 1, St. Petersburg, 194021, Russia

^f Saint Petersburg State University
Universitetskaya Emb., 7/9, St. Petersburg, 199034, Russia

[#]e-mail: tmikhaylova@binran.ru